

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

МАКСИМОВ Алексей Сергеевич, соискатель, кафедра государственного управления и национальной безопасности, факультет национальной безопасности, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС, адрес: 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, e-mail: maximov-as@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – продемонстрировать, что наибольшую проблему для национальной безопасности Российской Федерации на сегодняшний день представляют угрозы гибридной природы, продуцируемые основными противниками России в ведущейся против нее гибридной войне и требующие специфического подхода для оценки. В статье предложена авторская классификация гибридных угроз, позволившая выделить пять функциональных групп угроз («триад») – в духовной и социокультурной, военно-политической, экономической, информационной и международно-правовой сферах. Специфика «триад» заключается в том, что каждый из трех элементов «триады» способен продуцировать появление второго и третьего ее элемента и поддерживать их активность. Представлен вариант ранжирования «триад» по уровню их «угрозоемкости», определены темпы их интенсификации в краткосрочной перспективе. Согласно выводам автора синхронная активность «триад» создает синергетический эффект, оказывая комплексное негативное воздействие на состояние национальной безопасности России. Новизну исследования, результаты которого представлены в статье, составляют классификация гибридных угроз и вербальная модель функционирования «триад» угроз. Выводы исследования могут способствовать выработке эффективных механизмов и стратегий противодействия гибридным угрозам национальной безопасности России.

Ключевые слова: Россия, Запад, США, национальная безопасность России, гибридная война, угрозы, «триады» гибридных угроз.

THREATS TO NATIONAL SECURITY OF RUSSIA
IN THE CONTEXT OF A HYBRID WAR

MAKSIMOV A. S., Applicant, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russian Federation, Moscow), e-mail: maximov-as@mail.ru.

Abstract. This article is devoted to identifying and characterizing the threat to national security of Russian Federation in the context of a hybrid war. The main aim of the study is to assume that the huge problem for national security of Russia today is the threat of a hybrid nature. This paper proposes the author's classification of hybrid threats, which made it possible to distinguish five functional groups of threats («triads») – in the spiritual and socio-cultural, military-political, economic, information and international legal spheres. The specificity of the «triads» is that each of the three elements of the «triad» is capable of producing the appearance of the second and third elements of the «triad» and maintaining their activity. A variant of ranking «triads» according to the level of their threat intensity is presented, the rates of their intensification in the short term were determined. According to the author's conclusions, the synchronous activity of the «triads» creates a synergistic effect, exerting a complicated negative impact on the state of national security of Russia. The novelty of the research, the results of which are presented in the article, are the classification of hybrid threats and the verbal model of the functioning of the «triads» of threats. The findings of the study can contribute to the development of effective techniques and strategies for countering hybrid threats to national security of Russia.

Keywords: Russia, West, USA, national security of Russia, hybrid war, threats, "triads" of hybrid threats.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей статье представлены результаты анализа новых угроз национальной безопасности России в контексте гибридных войн и с учетом специфики этого типа конфликтного взаимодействия. Цель исследования – продемонстрировать, что наибольшую проблему для национальной безопасности Российской Федерации на сегодняшний день представляют угрозы гибридной природы, продуцируемые основными противниками России в ведущейся против нее гибридной войне и требующие специфического подхода для оценки. Для достижения цели были решены следующие задачи: определены факторы, способствующие возникновению гибридных угроз; выявлено геополитическое измерение гибридных угроз; охарактеризованы гибридные угрозы национальной безопасности РФ и предложена их авторская классификация; представлены перспективы развития гибридных угроз национальной безопасности России. При разработке темы были использованы системный метод, структурно-функциональный подход, геополитический подход и моделирование. Результаты анализа были верифицированы посредством метода экспертных оценок.

Анализ опыта ведения гибридных войн, подходов к их изучению демонстрирует, что существование национальных государств, в отношении которых инициирована активность подобного вида, сопровождается возникновением ряда рисков и угроз государственности. Важно понимать, что неумение выявлять качественно новые угрозы безопасности и факт ведущейся на новых принципах войны стали причиной краха крупных империй и мировых держав.

Прежде всего речь должна идти о возникновении угроз государственному суверенитету, территориальной целостности и национальной безопасности Российской Федерации как государству, которое проводит независимую внутреннюю и внешнюю политику, отрицает гегемонию США и не приемлет модель однополярного мира и политику игнорирования норм международного права, проводимую Вашингтоном и его союзниками. Усилия коллективного Запада во главе с США направлены на установление полного или частичного геополитического контроля над территорией России, ее инфраструктурой и ресурсами или на суверенизацию отдельных российских регионов (прежде всего пограничных – как Калининград, а также занимающих «узловое» положение – как Свердловская область) или на смену законной власти в России на лояльную и подконтрольную Западу.

В связи с этим интересна точка зрения, согласно которой гибридная война, представляя собой закономерный результат глобализации, «является не просто технологией межгосударственной конфронтации, а отдельной концепцией, взятой на практике за основу в современном межгосударственном противостоянии России и США»¹.

---

¹ Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 36. – С. 53– 54.

Факторы, способствующие возникновению гибридных угроз

Для корректной оценки угроз национальной безопасности Российской Федерации в условиях гибридной войны необходимо поместить предмет анализа в более широкий контекст геополитической реальности, безусловно, влияющей на состояние безопасности, что позволит учесть *значимые факторы* большего масштаба. К числу таковых следует отнести:

Во-первых, текущую переконфигурацию мировых центров силы:

– основные линии геополитического и геоэкономического противостояния находятся на осях «коллективный Запад – Китай» и «коллективный Запад – Россия», остальные центры силы находятся на позициях ниже в этом измерении мирополитической иерархии;

– постепенно формируется гигантский макрорегион «Большая Евразия», место России в котором довольно точно определяется как «Северная Евразия» (термин ввел А. Безруков); данный субрегион имеет свои распределенные центры силы – геополитические форпосты, призванные прикрывать четыре ключевых направления реализации геостратегии России – условные «Север», «Юг», «Запад», «Восток». Условный «Север» – это Арктика, форпост располагается на российских северных территориях. Условный «Восток» – это Китай, Корея, Япония, форпост располагается на территории российского Дальнего Востока. Условный «Юг» – это Туркестан и Средний Восток, форпост располагается в странах Центральной Азии. Условный «Запад» – это реальная и потенциальная линия соприкосновения с НАТО от Ближнего Востока до стран Балтии, форпостом являются Белоруссия и Украина;

– Россия находится в состоянии острой конфликтности с коллективным Западом. Однако конфликт в большей степени развивается в плоскости информационной, политической, разведывательной деятельности. Взаимодействие на уровне транснациональных корпораций в значительной мере сохранено, а местами просто приобрело новые параметры (при сохранении характеристик латентности в публичном поле);

– в квазидипломатическом поле коллективным Западом и его союзниками в «Большой Евразии» на региональном и локальном уровне прорабатываются контуры новых субрегионов. Например, IV Речь Посполита (по принципу «от можа до можа» с включением территорий Украины, Белоруссии, южных регионов России). Степень реалистичности проектов носит различный характер, однако симптоматичен сам факт их проработки. Актуальными также остаются проекты «Имарат Кавказ», «Восточный Туркестан», «Великий Туран» с метрополией в виде новой Османской империи (активно продвигается Р. Эрдоганом и его сторонниками) в составе так называемого нового халифата. В политическом руководстве современной Румынии есть группа сторонников проекта «Великая Румыния», претендующего на территорию Молдовы, части территории Украины, Венгрии. Происходит корректировка иерархий внутри геополитических союзов.

Во-вторых, изменение экономических центров силы осуществляется посредством формирования новых транспортных коридоров:

- Проект «Новый шелковый путь» (основными бенефициарами выступают Китай, Европейский союз, государства Центральной Азии, Белоруссия, Россия, кроме того, формируется новый коридор в рамках проекта в обход территории Российской Федерации в виде маршрута, проходящего из Китая в ЕС через территории Украины, Грузии, Турции);

- Международный транспортный коридор № 9 «Север – Юг» (основными бенефициарами выступают Германия, Россия, Азербайджан, Иран, с большой долей вероятности Индия);

- газовый трубопровод «Северный поток – 2» (основными бенефициарами выступают Германия и Россия);

- газовый трубопровод «Турецкий поток» (основными бенефициарами выступают Россия и Турция).

Совокупность указанных транснациональных экономических коридоров создает принципиально иную экономическую архитектуру субрегионов, обеспечивает новую конфигурацию геоэкономических полей. С точки зрения потенциальных или реальных угроз национальной безопасности России формирование контуров обозначенных коридоров неизбежно сопровождается попытками военно-политической дестабилизации, перехвата управления в отдельных государствах, террористической и другими видами деструктивной активности.

В-третьих, сформирована совокупность индикаторов, позволяющая достаточно объективно оценивать как текущую ситуацию, так и перспективы состояния субрегиональной безопасности:

- демографическая структура населения в ключевых субрегионах, претерпевающая необратимые изменения;

- климатические изменения в ключевых субрегионах и формирование новых угроз глобальных и локальных конфликтов, переходящих от борьбы за энергоресурсы к борьбе за воду и продовольствие;

- источники, объем и качество оружия и вооружений государств и негосударственных акторов;

- рейтинг армий в совокупности с кумулятивными характеристиками союзов и объединений государств;

- количественно-качественные, включая сценарные, характеристики военных и военно-полицейских учений и тренировок, проводимых в ключевых регионах, в том числе по периметру военно-политических и экономических союзов государств;

- цензы имущественного статуса населения (нехарактерны для России, Белоруссии, КНР, где этот показатель не находится в прямой корреляции с рисками социальных волнений, «цветных революций» и проч.).

Обозначенные факторы, как правило, носят сложный, комплексный характер и

являются не только продуктом геостратегического и геоэкономического конструирования, но и отчасти следствием объективных процессов в рамках глобализации. Важно учитывать то обстоятельство, что эти факторы влияют на систему национальной безопасности не линейно в силу сверхсложной природы современной системы международных отношений и из-за наличия факторов другого порядка и другой природы (работающих, например, на укрепление отдельных сегментов системы международной безопасности и, соответственно, национальной безопасности государств).

Геополитическое измерение гибридных угроз

В рамках геополитического подхода с определенной долей условности можно предложить карту-схему вероятных очагов дестабилизации на субрегиональном уровне, то есть угроз и вызовов национальной безопасности России, имеющих разную степень вероятности возникновения. Карту можно обозначить как карту «потенциальной конфликтной дуги Евразии», демонстрирующую следующее:

– *потенциально возможные очаги боевой активности* с участием различных субъектов, причем, вероятнее всего, в формате конфликтов смешанного типа (в конфликтах смешанного типа взаимодействуют комбатанты и некомбатанты, представленные инсургентскими и партизанскими силами¹);

– *потенциально возможные очаги боевых действий гибридного типа* с участием неконвенциональных групп, прежде всего международных террористических организаций.

– Конфликты военного типа, в том числе латентные, в среднесрочной перспективе формируются по подчиненной логике:

– создание вспомогательных театров военных действий в целях поддержки вышеуказанного базового (Восточный Туркестан) в регионе Большой Центральной Азии (БЦА);

– реформатирование субрегиональных центров силы в регионе Большого Ближнего Востока (ББВ) с активным участием Российской Федерации, Саудовской Аравии, Турции, Ирана, Израиля, Великобритании и США;

– реформатирование центров силы в Европе в результате постепенной фрагментации ЕС и раздела (с высокой степенью вероятности) Украины, в которой, по экспертным оценкам, особую активность проявит Польша;

– вспомогательный театр военных действий в регионе Юго-Восточной Азии (акватория и прилегающие сухопутные территории) – его формирование зависит от того, смогут ли договориться США и Китай по экономическим вопросам. Несмотря

---

¹ Примечание: Конфликт смешанного типа представляет собой переход в латентной фазе конфликта от ведения экстремистской деятельности к террористической деятельности, от террористической – к боевой деятельности, сопровождающейся объединением в боевые группы для реализации давления на политическое руководство страны, когда использование регулярных сил (комбатантов) преждевременно или невозможно.

на то что переговоры в экономической сфере активно велись при президенте США Д. Трампе и продолжают вестись при Дж. Байдене, согласно открытым источникам генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин в публичных выступлениях перед военными открыто ориентировал их на развитие военной инфраструктуры и усиление контингентов именно в юго-восточном регионе страны.

Необходимо отметить, что в контексте обеспечения стабильности и безопасности большого региона, именуемого в западной политической географии Большой Центральной Азией, наиболее сложная ситуация с точки зрения российских интересов складывается в регионе, который в отечественной литературе определяется как постсоветская Центральная Азия (ранее регион назывался «Средняя Азия и Казахстан»), на которую большое влияние оказывает ситуация в Афганистане. Таким образом, речь идет о регионе, занимаемом территориями следующих государств: Афганистан, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Киргизия, Казахстан. Однако оценивать ситуацию в этом регионе невозможно вне контура, включающего также китайский Синьцзян – СУАР КНР. Более уместным в операциональных целях представляется географическое название региона – Туркестан, использовавшееся до середины 1940-х годов.

Несомненно, самое серьезное влияние на состояние безопасности государств Центральной Азии оказывает оперативная ситуация в Исламской Республике Афганистан. Проблема Афганистана, определяемая экспертами как «афганский узел», в контексте изучаемой проблемы примечательна тем, что этот конфликт способствовал «торможению тенденции возрастания роли силы и военно-силового регулирования в международных отношениях на периферии мировой системы. США и наиболее боевитые страны НАТО осознали ограниченную эффективность массированных военных операций»¹.

Оценка оперативной обстановки в этом регионе в парадигме Большой игры присутствует до настоящего времени. Так, в 2018 году был представлен доклад Астанинского клуба (создан под эгидой первого президента Казахстана Н. А. Назарбаева) под названием «На пути к большой Евразии: как строить общее будущее?». Доклад содержит предупреждение о том, что евразийский суперконтинент должен предвидеть риски, связанные с Большой игрой. Прежде всего речь идет об обострении напряженности между США и Китаем, глобальных торговых войнах, эскалации конфликта на Ближнем Востоке, ухудшении отношений между Россией и Западом, стремительном технологическом прогрессе, ухудшении состояния окружающей среды и, наконец, росте вероятности сепаратизма и этнических и этнорелигиозных конфликтов.

Несомненно, значительная часть противоречий экономического и политическо-

---

¹ Сушенцов А. Промежуточные уроки афганского конфликта. 06.03.2012. // РСМД [Официальный сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/promezhutochnye-uroki-afganskogo-konflikta/> (дата обращения: 12.03.2021).

го характера в современном мире (все чаще не анализируются с помощью геополитического инструментария и укладываются в геополитическую парадигму) разрешается посредством гибридных войн.

Об этом, например, свидетельствуют следующие структурно-функциональные изменения в силовом блоке главного системного оппонента России в ведущейся против нее гибридной войне:

- появление в военной разведке США (РУМО США (CID)) Управления конфликтов малой интенсивности;
- появление в 2017 году в составе НАТО новой разведывательной структуры под названием Объединенная разведка и безопасность (JISD);
- содержание доклада разведывательного сообщества США за 2018 год «Оценка американским разведывательным сообществом угроз по всему миру» (Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community)¹, оказавшего влияние на целеполагание в силовом блоке США и НАТО, где в качестве угроз безопасности на среднесрочную перспективу определены: союз КНР и РФ, подъем национальных государств (в противовес процессу глобализации), прорывные технологии, обеспечивающие принципиально новый характер вероятных боевых действий. В этом контексте и следует рассматривать механизмы противодействия со стороны коллективного Запада обозначенным в докладе угрозам. Речь шла о необходимости дискредитировать отношения КНР и РФ; переустановить и упрочить контроль над национальными государствами, являющимися фактически «узлами» новых экономических контуров или проводниками данных контуров (см. выше – новые экономические и транспортные коридоры); не допустить технологического прорыва России и Китая.

Указанные системные изменения позволили экспертам прийти к выводам, согласно которым непредсказуемая эволюция войн создает серьезные проблемы для военного планирования², что негативным образом сказывается на возможностях обеспечения безопасности и стабильности государств и целых регионов.

Гибридные угрозы национальной безопасности РФ

Анализ специфики гибридной войны, ведущейся против России, геополитической обстановки и перспектив ее изменений, а также программные установки, содержащиеся в документах стратегического планирования США и НАТО, позволяют выделить следующие функциональные группы угроз национальной безопасности России:

- угрозы в духовной и социокультурной сфере;
- угрозы в военно-политической сфере;
- угрозы в экономической сфере;

---

¹ Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community. 06.03.2018. – URL: https://www.armed-services.senate.gov/imo/media/doc/Coats_03-06-18.pdf

² Joseph S. Nye. The future of Power // Project-syndicate. FEB 5, 2015. – № 3.

- угрозы в информационной сфере;
- угрозы в международно-политической сфере.

Предложенная *классификация*, разумеется, является условной, учитывая гибридный характер угроз, однако такая группировка по сферам локализации необходима для удобства дальнейшего анализа.

Ряд серьезнейших гибридных угроз сосредоточен в *духовной и социокультурной* сфере. Здесь угрозой национальной безопасности определено действие политики «мягкой силы» со стороны коллективного Запада, посредством которой формируется система ценностей и институтов, чуждых российскому обществу, идеология потребления. Концепция «мягкой силы» (soft power – «гибкая власть») была предложена Джозефом Наем, видевшим ключевым инструментом не принуждение силой (hard power), а привлекательность страны и ее внешней политики, способность убедить в своей правоте (первоначально концепция состояла всего из трех элементов: политический курс, ценности и культура). Позже инструментарий в рамках концепции существенно расширился, США и их сторонники сделали ставку на реализацию этой концепции в ходе гибридной войны против России. Таким образом, «мягкая сила» коллективного Запада стремится распространить западные ценности и институты, «вынуждая другие общества уважать права человека, как их понимают на Западе, и принять демократию по западной модели»¹. При этом манипулирование общественным сознанием стран-мишеней сопровождается латентной или открытой угрозой применения силы, что, как предполагается, должно делать «мягкую силу» более убедительной.

Последствия реализации «мягкой силы» по западным лекалам провоцируют появление еще одной угрозы в этой группе – повышение уровня криминализации общества, экстремизм. Это происходит в результате «вымывания» традиционных ценностей и устоев российского общества; появления новых социокультурных установок (часто путем подмены), в рамках которых ослаблены или вовсе отсутствуют сдерживающие механизмы проявления негативных черт личности; популяризации деструктивных и откровенно криминальных образов в СМИ и культуре. Этому способствуют и агрессивная среда социальных сетей, изменившаяся парадигма социального поведения в молодежной среде, разрыв между поколениями, что во многом стало результатом социально-экономического кризиса 1990-х годов, а также отсутствие реальных достижений современного российского общества в национальном и духовном объединении и их подмена памятью о достижениях прошлых поколений.

Разумеется, нарастание угроз в духовной и социокультурной сфере самым непосредственным образом связано с отсутствием национальной идеологии и со слабой государственной политикой идентичности, что само по себе должно рас-

---

¹ Брычков А.С., Ерёмин Г.В., Гаврилов А.Д. [и др.]. Гибридные войны XXI столетия: происхождение, сущность и место в цивилизационном процессе: Монография. – Смоленск, 2009. – 306 с.

смаиваться как угроза. Согласно Конституции РФ, в России не может быть государственной идеологии. Надежды патриотически настроенной российской общественности на изменения в этой части в рамках конституционной реформы 2020 года не оправдались. Запретом на государственную идеологию пользуются геополитические оппоненты России и различные деструктивные акторы негосударственного происхождения, стремящиеся заполнить «идеологический вакуум» идеологемами различного генезиса (праворадикальные и леворадикальные идеи, идеология исламизма, либеральные идеи и проч.), негативно влияющие на развитие российских государства и общества. В этом же створе необходимо рассматривать проблему современного раскола православной церкви. Политика национальной идентичности не может реализовываться в полной мере, несмотря на растущее количество программ патриотического воспитания для молодежи, именно из-за отсутствия четкой и структурированной идеологической политики, которая должна играть роль стержневого элемента для всего национально-государственного строительства, включающего такие области, как воспитание и образование, культура, этнонациональная политика и т.д.

Угрозы в *военно-политической сфере* концентрируются вокруг повышения роли негосударственных игроков, чья активность искусственно направлена против России. Речь идет о сепаратистских и террористических организациях, действующих на территории РФ и в непосредственной близости от ее границ на территории стран ближнего зарубежья. Как угрозу следует рассматривать и усиление активности иностранных разведок на территории стран – союзников России (Казахстан, Киргизия, Беларусь, Армения и др.) и стран, с которыми у России в настоящий момент весьма напряженные отношения (Украина, Грузия, Молдова).

Особенно беспокоит экспертов тенденция преобразования дипломатических миссий США на территории стран ближнего зарубежья в полноценные военно-разведывательные центры – другими словами, дипломатические миссии становятся объектами военной инфраструктуры, что в совокупности с инфраструктурой НАТО (информационные центры НАТО, программы совместных учений, образовательные программы для офицерских кадров стран, проходящих этапы интеграции в НАТО по типу программы «Партнерство ради мира», и проч.) создают потенциальную угрозу фронтального соприкосновения военных инфраструктур НАТО и ОДКБ, НАТО и России. Так, на сегодняшний день самым крупным посольством США в мире (по численности дипкорпуса) является посольство в Армении общей численностью дипломатов около 2500 человек (на втором месте по численности – посольство США в Багдаде, Ирак). Новое здание посольства располагается на 9 га, приобретенных за 5 млн долл. Там же базируется 800 морских пехотинцев – по сути посольство представляет собой военно-морскую базу США на территории страны – члена ОДКБ. Посольство сотрудничает более чем с 200 НПО и, очевидно, решает разведывательные задачи в регионе, охватывающем территории Рос-

сии, Турции, Грузии, Азербайджана, Ирана. Примечательно, что до 2018 года, когда посольство США в Армении было принципиально переформатировано, дипломатическую миссию здесь осуществляли всего 60 человек. Такого же формата посольство США нового поколения было открыто на Украине в 2012 году (занимает площадь 4,5 га и рассчитано более чем на 700 человек). Аналогичные объекты существуют на территории посольства США в Кыргызстане. В настоящий момент США пытаются приобрести у властей Молдовы участок в 5,2 га в центре Кишинева (на котором располагается неиспользуемый городской стадион, построенный еще в советское время) для строительства там посольства аналогичного формата¹. Местные эксперты уверены, что речь идет о строительстве военно-разведывательного центра США на территории нейтрального внеблокового государства (таким является Республика Молдова согласно ее собственной конституции).

Еще большую тревогу вызывает проблема строительства по периметру российских границ сверхдорогих секретных биологических лабораторий. Система биологических лабораторий является инфраструктурой и продуктом американской программы «Совместные биологические обязательства». США, подписавшие и ратифицировавшие ключевой документ в этой области – Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 год) – не демонстрируют стремления его выполнять, препятствуют формированию верификационного механизма в рамках конвенции. Вместо этого США создают параллельную глобальную систему контроля за микробиологическими исследованиями. За период 2000-х, 2010-х гг. Вашингтон активно создавал сеть биологических лабораторий в Евразии и Африке, особое внимание США уделяли бывшим советским республикам, границы которых примыкают к границам России. Вашингтон, втягивая эти государства в программу «Совместные биологические обязательства», предлагает им индивидуальный план работы, в котором предусмотрено разграничение ответственности за материальное обеспечение его выполнения. Как правило, лаборатории функционируют под эгидой ВОЗ. Однако эксперты указывают на то, что условия реализации этого проекта выглядят кабальными в политическом и научном отношении для страны, на чьей территории располагается подобный объект². Примечательно, что размещение таких объектов американцами в Грузии, на Украине, в Армении, Казахстане, Узбекистане, Азербайджане и планируемое размещение таких

---

¹ США призвали Молдавию пересмотреть решение по участку земли для их посольства в Кишиневе. 04.12.2020 // ТАСС [Сайт]. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10176557> (дата обращения: 12.03.2021).

² Евстигнеев В. БиоПРО США: уровень биологических угроз вокруг России оценивает Пентагон. 09.06.2012 // Регнум [Сайт]. – URL: <https://regnum.ru/news/economy/1540632.html> (дата обращения: 12.03.2021).

объектов в Афганистане, Пакистане и других странах широко не освещались в средствах массовой информации. Программа «Совместные биологические обязательства» сопряжена с другой известной программой «Совместное уменьшение угрозы» (СУУ) (программа Cooperative Threat Reduction (CTR)), реализуемой США и более известной как «Программа Нанна – Лугара»¹. Анализ доступной информации о функционировании биологических лабораторий в других странах показывает, что они находятся за рамками национального и международного контроля, работают в закрытом режиме, зачастую возглавляются представителями спецслужб (как, например, в Грузии) и практически не выпускают «научный продукт» в виде научных публикаций в ведущих профильных журналах, не регистрируют успешные разработки и пр. Россия уже ощущает негативные эффекты от реализации программы «Совместные биологические обязательства» на территории Казахстана. Дело в том, что, участвуя в этой программе, Астана обязывается прекратить обмен с Россией информацией и материалами в этой сфере, что негативно сказывается на региональной безопасности². Летом 2013 года МИД России впервые официально выразил озабоченность по поводу деятельности Пентагона в непосредственной близости от границ Российской Федерации.

Н. И. Харитоновна подчеркивает, что Вашингтон «не различает» национальную и международную безопасность. Опыт 2002 года, когда США в одностороннем порядке вышли из договора по ПРО, показал, что США в стремлении обеспечить безопасность совершенно не настроены связывать себя какими бы то ни было соглашениями и договорами. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в вопросах, связанных с обеспечением биологической безопасности, – США взяли курс на выстраивание американской «биоПРО» за пределами своей территории [Харитоновна, 2017а]. Очевидно, активность США на этом направлении не будет снижаться. Соответственно, России необходимо активизировать политику по обеспечению собственной биологической безопасности и безопасности своих партнеров по интеграционным объединениям.

Угрозы в экономической сфере включают в себя возможности экономического давления на Российское государство и общество. Одну из угроз этой группы можно определить как попытки США и их союзников установить экономический контроль над российскими элитами, частью общества и государственных структур. Речь идет о сложившейся практике российской бизнес-элиты держать финансовые средства на зарубежных счетах, выводить прибыль компаний на счета в офшорных зонах. Таким образом, колоссальные средства, которые могли бы работать на развитие нашей страны, укрепление ее суверенитета и независимости, находятся в большинстве случаев в юрисдикции таких стран, как США и Великобритания.

---

¹ Харитоновна Н.И. Непризнанные государства: «спорная субъектность» как вызов международной безопасности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С.64-76.

² Там же.

Соответственно, эти страны получают дополнительные рычаги давления на российскую бизнес-элиту, а следовательно, и на правящую элиту России. Президент России В. В. Путин еще в 2012 году акцентировал внимание в послании Федеральному собранию на следующем: «Девять из десяти существенных сделок, заключенных крупными российскими компаниями, не регулируются отечественными законами»¹. Тогда же президент дал поручение правительству разработать и внести предложения мер, направленных на деофшоризацию российской экономики. Тем не менее успехи политики по деофшоризации оказались сомнительными. И уже в 2017 году в США принимается закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций»², предусматривающий возможность конфискации зарубежных активов и состояний российской финансовой элиты и чиновников. Усилиями офиса по контролю над иностранными активами (Office of Foreign Assets Control, OFAC) при Минфине США – одной из самых закрытых спецслужб мира – эти граждане РФ фактически окажутся перед выбором: либо лишиться своих состояний, либо выполнять волю США, занимаясь деструктивными действиями, саботажем и прочим в отношении своей страны.

Экономически активное население страны перманентно находится под угрозой остановки расчетов и переводов денежных средств при помощи банковских карт, так как все расчеты проходят посредством Международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей (Worldwide Interbank Financial Telecommunications (SWIFT)). СМИ, освещая санкционную политику против России, активно сообщали о возможности отключения России от этой системы с плохо предсказуемыми последствиями.

Санкционная политика всегда считалась одним из самых эффективных и часто используемых инструментов внешней политики США. Сопровождая всевозможные меры экономического давления на Российскую Федерацию, санкции (страновые, групп стран) действительно способны оказать негативное влияние на социально-экономическую ситуацию в стране. К числу таких мер можно отнести расширение поставок энергоносителей (прежде всего СПГ) в Европу из США с целью ограничения поставок российского трубопроводного газа; сговоры с крупнейшими странами – поставщиками энергоносителей с целью снижения мировых цен на нефть и, соответственно, на газ, блокирование проектов газопроводов («Южный поток», «Северный поток – 2» и др.). Это лишь одно из направлений экономического давления на Россию. Санкционная политика Запада разнообразна – от санкций в отношении российских товаров до санкций в отношении отдельных представителей

---

¹ Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. б/н // Президент России [Официальный сайт]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения: 13.03.2021).

² Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA); H.R. 3364, Pub.L. 115-44 // congress.gov [Официальный сайт]. – URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364> (дата обращения: 13.03.2021).

правлящей элиты, общественных деятелей. Санкционная политика США следует определенной стратегии, выработанной на основе рекомендаций американских «фабрик мысли». Так, RAND Corporation представила в 2019 году доклад по заказу Министерства обороны США. Суть новой антироссийской стратегии – «ограничение доходов и навязывание затрат» (подход, который укладывается в логику экономического удушения геополитического противника)¹. В целом доклад RAND Corporation воспроизводит основные постулаты экономической войны, развязанной против СССР в восьмидесятих годах прошлого века. К слову, против России до недавнего времени действовали санкции периода холодной войны – например, поправка Джексона – Вэника (1974 год). Поправка была официально отменена только в 2012 году (в связи с вступлением России в ВТО), однако сразу же был введен ряд других ограничений, связанных с так называемым списком Магнитского. На его основе был разработан и принят в 2012 году «Закон Магнитского». Законом были установлены санкции в отношении официальных лиц в РФ, которые, по мнению Вашингтона, имели отношение к смерти юриста С. Магнитского. Однако самые масштабные в истории санкции по количеству стран-участников – это санкции в связи с возвращением Крыма и Севастополя в состав России в 2014 году. Санкции были введены странами Запада в отношении Российской Федерации после произошедшего на Украине Евромайдана и незаконного захвата власти группировкой, финансируемой Западом, развязанного крупномасштабного вооруженного конфликта на юго-востоке страны и последовавшего вслед за этим воссоединения Крымского полуострова с Россией. Основной целью введения санкций являлась попытка полной мировой изоляции нашей страны и, как следствие, разрушение российской экономики, вошедшей в период послекризисного восстановления. Ключевой орган в США, который занимается разработкой санкционных пакетов и их применением, – уже упомянутое управление по контролю за иностранными активами (отдел Министерства финансов США), являющееся по сути специализированной финансовой разведкой. Основной инструмент – перечни лиц или организаций, чьи активы замораживаются и с которыми нельзя вести дела. Для России там есть отдельный список тех, кто находится под секторальными санкциями.

В качестве угрозы национальной безопасности России необходимо рассматривать и низкий уровень социально-экономической удовлетворенности общества. Так, кризис, связанный с застойными явлениями в национальной экономике, ростом безработицы и последствиями жесткой санкционной политики, негативно сказался на жизненных перспективах молодежи. К числу неудовлетворенных уровнем

---

¹ «Ограничение доходов и навязывание затрат»: эксперты о сути новой антироссийской стратегии США. 05.06.2019 // Царьград [Сайт]. – URL: https://tsargrad.tv/news/ogranichenie-dohodov-i-navjazyvanie-zatrat-jeksperty-o-suti-novoj-antirossijskoj-strategii-ssha_202567 (дата обращения: 14.03.2021).

жизни также относятся граждане из предпенсионной возрастной группы (возраст 50–60 лет) – количество довольных жизнью снизилось здесь в 2020 году на 1 п. п. по сравнению с 2013 годом¹. Уровень удовлетворенности жизнью на полпуника снизился и у наиболее богатых граждан России. Это связано со снижением доходов от бизнеса, уменьшением или ликвидацией годовых бонусов для менеджеров топ-уровня в крупных корпорациях². Социально-экономические последствия пандемии COVID-19 лишь ухудшают эти показатели.

Угрозы в *информационной сфере* включают в себя набор проблем, являющихся последствием отсутствия международной договорной базы, регулирующей отношения между государствами в информационной сфере и уже в сфере информационной безопасности, а также отсутствием у РФ суверенитета в информационной сфере. Дискуссия разворачивается преимущественно между тремя державами, располагающими мощными информационными ресурсами и потенциалом к их масштабированию, – США, Россией и Китаем. Условно дискуссию можно разделить на два трека. Первый трек касается правил функционирования рынков программного обеспечения, лицензирования продуктов отрасли, информационно-коммуникационной инфраструктуры. В этой сфере, как выяснилось, три страны видят общие контуры потенциальных договоренностей. По крайней мере, об этом свидетельствует работа Группы правительственных экспертов ООН по международной информационной безопасности (ГПЭ ООН по МИБ), ведущаяся с 2001 года. В рамках второго трека обсуждению подлежат вопросы, связанные с содержанием контента, который транслируется посредством каналов коммуникации. США, апеллируя к принципу свободы слова и другим либеральным принципам, настаивают на беспрепятственном и свободном распространении американского контента так, как если бы национальных границ не существовало в принципе. С таким подходом не согласны Российская Федерация и Китайская Народная Республика, настаивающие на своем праве «фильтровать» входящий контент, указывая на то, что деструктивные его составляющие могут негативно влиять на состояние российского и китайского обществ и государственности. В этом же комплексе нужно рассматривать проблему национальной юрисдикции в информационном пространстве. Решение этого вопроса имеет принципиальное значение в свете нарастания кибер-противоборства между национальными государствами в информационном пространстве.

События 2014 года, связанные с возвращением Крыма и Севастополя в состав России (а до этого события 2008 года, связанные с так называемой пятидневной войной по принуждению Грузии к миру и дальнейшим признанием независимости

---

¹ Удовлетворенность жизнью в России достигла уровня 2013 года. 18.01.2021 // Ведомости [Сайт]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/01/18/854527-udovletvorennost-zhiznyu> (дата обращения: 14.03.2021).

² Там же.

Южной Осетии и Абхазии), с точки зрения нарастания противоборства в информационном пространстве позволяют с полной уверенностью говорить о втягивании России в информационную войну с коллективным Западом. Специалисты, активно анализирующие специфику информационного противоборства, подтверждают, что информационная война является крайне важной частью гибридной войны и может вестись на двух уровнях: внешнем и внутреннем. Целью информационного противоборства является «разложение сил противника и убеждение своих сторонников в том, что противник – преступник, подлежащий уничтожению»¹.

К информационным операциям внешнего уровня можно отнести раздуваемые СМИ скандалы (чаще всего не просто путем искажения информации, а с использованием откровенно ложной информации – так называемые Fake News) с отравлением экс-полковника ГРУ С. Скрипаля, обвинением России во вмешательстве в выборы президента США в 2016 году, обвинением российских спортсменов в применении допинга, с военной агрессией России в отношении Украины, организацией терактов на территории Чехии в 2014 году и проч. Цель такой политики – делегитимизация России на международной политической арене.

К информационным операциям внутреннего уровня относятся, наряду с мероприятиями, нацеленными на нанесение прямого ущерба, манипулирование, в том числе инструментами «мягкой силы», работа с агентами влияния, провокация деструктивных общественных и политических движений, практикующих гражданское неповиновение, подмену национальных ценностей, подавление навыков критического анализа информации, создание сетевых сообществ, в том числе террористических, которыми можно манипулировать в соответствии с целями и задачами таких операций. Ключевую роль здесь играет Интернет.

Таким образом, в качестве одной из угроз в этой группе можно рассматривать распространение деструктивного контента в социальных медиа и сетевых СМИ, которое как правило осуществляется вирусным способом. Угрозой является также зависимость от серверов, находящихся на территории США (в мире существует всего 13 серверов (основных серверов), 10 из которых расположены в США, 2 – на территории ЕС, 1 – в Японии, за последние годы ряд стран спешно создают собственные серверы, основные информационные потоки идут через главный сервер, расположенный на территории США², и зависимость от программного обеспечения, производимого на Западе. Основная часть проблем информационной безопасности России возникает из-за отставания в сфере информационных техноло-

---

¹ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 52.

² Разумов Е.А. Киберсуверенитет как аспект системы национальной безопасности КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. – Благовещенск – Хэйхэ, 2017. – С. 707-710. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29191372>

гий и слабой разработанности нормативно-методической базы контроля безопасности программного обеспечения¹. Специалисты выделяют два аспекта проблемы: технологический и эксплуатационный. Технологическая безопасность предусматривает отсутствие в программном обеспечении злоумышленных программных дефектов диверсионного типа. Эксплуатационная – защищенность информации от несанкционированного доступа и несанкционированных действий с ней². Нарушения в работе этих двух систем влечет за собой возможность сбора персональной информации, данных о выполняемых прикладных программах, осуществлять программные закладки и проч.

В качестве угрозы национальной безопасности можно рассматривать и отсутствие четкого определения статуса «критической инфраструктуры», «критически важных объектов» и «потенциально опасных объектов»³, и низкий уровень квалификации сотрудников, занятых на такого рода объектах инфраструктуры. Здесь также необходимо упомянуть проблему низкой квалификации в вопросах кибербезопасности и слабую осведомленность о правилах кибергигиены населения России в целом.

Многие авторы к числу угроз национальной безопасности относят развитие искусственного интеллекта и использование его в гибридной войне⁴. Речь идет о таких возможностях воздействия на противника с помощью искусственного интеллекта, как перепрофилирование коммерческих систем искусственного интеллекта, создание deepfakes, целевое использование технологии Fake People, установка и закрепление повестки дня с помощью организованной работы ботов, целевая трансформация образов, формирование «отравленных данных» и проч.⁵

Угрозы в *международно-политической сфере* концентрируются вокруг проблемы эрозии международного права и появления новых сфер международно-правового регулирования. Нарушение норм международного права и целенаправленная подмена его все более укрепляющимся «правом сильного»⁶, казалось бы,

---

¹ Скрытые угрозы зарубежного программного обеспечения. 8.10.2021 // РСМД [Сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skrytye-ugrozy-zarubezhnogo-programmnogo-obespecheniya/> (дата обращения: 12.03.2021).

² Там же.

³ Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // *Контур* глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13. – № 2. – С. 58-59.

⁴ Пашенцев Е.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2019. – № 76. – С. 279-300.

⁵ Скрытые угрозы зарубежного программного обеспечения. 8.10.2021 // РСМД [Сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/skrytye-ugrozy-zarubezhnogo-programmnogo-obespecheniya/> (дата обращения: 12.03.2021).

⁶ Харитоновна Н.И. Американская «биоПРО» как угроза региональной безопасности в Евразии // *Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: обеспечение национальных интересов и реализация стратегических приоритетов*. Материалы Четвертой научно-

не имеют прямого отношения к гибридным войнам. Однако дестабилизация, являющаяся последствием эрозии и указанной подмены, создает специфическую ситуацию правового вакуума, которая способствует нарастанию деструктивной активности, характерной для гибридного противостояния. Наряду с этим необходимо отметить и отсутствие правового регулирования в сферах, имеющих критическое значение для эффективности ведения гибридной войны, например в сфере информационной безопасности. Так национальные государства, вовлеченные в гибридное противоборство, осуществляют разные подходы к реализации концепции суверенитетов и функционированию национальных юрисдикций в информационном пространстве (практика показывает, что международное право неприменимо к проблематике информационной и кибербезопасности). Слепой зоной является и правовое регулирование в сфере использования искусственного интеллекта.

«Триады» гибридных угроз и их перспективы

Анализ показал, что в каждой из выделенных в ходе классификации групп угроз формируются «*триады*» гибридных угроз. Специфика «триад» в том, что каждый из трех элементов «триады» способен продуцировать появление второго и третьего ее элемента и поддерживать их активность. Описанная конструкция может быть представлена в виде *вербальной модели «триад» гибридных угроз*. Синхронная активность «триад» создает синергетический эффект с точки зрения оказания негативного влияния на состояние национальной безопасности Российской Федерации. Перечисленные и охарактеризованные выше группы гибридных угроз целесообразно ранжировать с точки зрения их «угрозоемкости» применительно к настоящему времени и в краткосрочной перспективе (5–10 лет). Результаты сравнительного анализа потенциала угроз были верифицированы посредством метода экспертных оценок. Ранжированный перечень групп угроз («триад» гибридных угроз) с уровнем возможной интенсификации в перспективе выглядит следующим образом¹:

– угрозы в духовной и социально-культурной сфере (тенденция к резкой интенсификации за счет накопительного эффекта у каждого из трех элементов «триады»);

практической конференции. – М., 2017. – С.132–138.; Дробот Г.А. Трансформация функций и роли государства в глобализирующемся мире. Ч.1. // Обозреватель – Observer. – 2015. – № 11 (310). – С. 5-20.; Cerny Ph. Neomedievalism, Civil Wars and the New Security Dilemma: Globalization as Durable Disorder // Civil Wars. 1998. – Vol.1. – №1 (Spring). – P. 36–64.

¹ Примечание: Ранжирование «триад» (групп гибридных угроз) реализовано на основе экспертной оценки отдельных угроз – элементов «триад». Соответственно, если в «триаде» все три элемента демонстрируют тенденцию к интенсивному развитию, такая «триада» занимает позицию выше той «триады», где один элемент оценен экспертами как демонстрирующий тенденцию к развитию средними темпами и т.д.

- угрозы в военно-политической сфере (тенденция к резкой интенсификации, так как все три элемента «триады» крайне динамичны);
- угрозы в экономической сфере (тенденция к резкой интенсификации, так как все три элемента «триады» крайне динамичны);
- угрозы в информационной сфере (тенденция к средней интенсификации, так как два элемента «триады» из трех динамичны);
- угрозы в международно-политической сфере (тенденции к медленной интенсификации, так как один элемент «триады» из трех динамичен).

Представляет интерес для сравнения перечень уязвимостей, указанный в докладе RAND Corporation 2019 года «Перенапряжение России: конкуренция с выгодных позиций» (Extending Russia Competing from Advantageous Ground)¹, в числе которых оказались низкие цены на нефть и газ, снижение уровня жизни населения, старение населения, авторитарный политический режим. Указанные уязвимости соседствуют в докладе с опасениями России: сменой режима, потерей статуса великой державы и военным вторжением. В общем и целом список уязвимостей и опасений России коррелирует с результатами анализа угроз национальной безопасности России, представленного в настоящей статье. Соответственно, чтобы максимально эффективно применять диагностированные американскими экспертами уязвимости России, RAND Corporation предложила использовать «способ навязывания затрат», которые могут привести к перенапряжению и чрезмерному рассредоточению сил России, следовательно, к ослаблению и в перспективе к проигрышу в гибридной войне. «Наиболее многообещающими способами «изматывания России» являются те, которые напрямую воздействуют на ее уязвимые точки, страхи и сильные стороны, надавливая на слабые места и подрывая преимущества России»². Примером может служить втягивание России в локальные прокси-войны, от участия в которых руководство страны не может отказаться, попадая в политический цугцванг ввиду несвоевременного определения угрозообразующих факторов. В целом доклад развивает концепцию долгосрочной стратегической конкуренции США с Россией (СССР), разработанной во времена холодной войны и во многом основанной на предложениях самого центра RAND Corporation.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мир находится на заре новой военной эры, которая требует принятия новых гибких стратегий военно-политического взаимодействия. Необходимо констатировать факт непрерывности гибридной войны, ведущейся коллективным Западом против России. Успехи нашей страны в конфликтном взаимодействии на новых принципах будет зависеть от нашей способности вовремя распознать угрозы

---

¹ Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation [Официальный сайт]. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.04.2021).

² Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation [Официальный сайт]. – URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html (дата обращения: 18.04.2021).

гибридного характера, от возможностей адаптации и разработки новых превентивных и ответных мер и активных мероприятий. Это позволит Российской Федерации опередить изменения в международно-политической среде, исключительно быстро трансформирующейся и продуцирующей угрозы нового типа. Именно поэтому в настоящее время представляются весьма востребованными научные разработки технологий ведения гибридных войн и противодействия им. Любое практическое решение требует полноценного научного обоснования, обобщения на концептуальном уровне наработанного опыта противодействия в рамках гибридной войны.

Результатом разработки проблемы актуальных угроз национальной безопасности, представленным в статье, стала авторская классификация угроз, модель «триады» гибридных угроз, ранжированный по уровню «угрозоемкости» перечень «триад» с указанием их краткосрочных перспектив (5–10 лет) с учетом меняющейся мировой обстановки. Результаты и выводы, представленные в статье, были успешно верифицированы методом экспертных оценок. В дальнейшем перспективным может быть исследование, посвященное апробации действия представленной модели «триад» гибридных угроз путем соотнесения с опытом так называемых цветных революций в странах ближнего зарубежья.

Библиография/References:

1. Акулинин В.Н., Епифанова Н.С. Концепция гибридной войны в практике межгосударственного противостояния // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 36. – С. 53-60.
2. Брычков А.С., Ерёмин Г.В., Гаврилов А.Д. [и др.]. Гибридные войны XXI столетия: происхождение, сущность и место в цивилизационном процессе: Монография. – Смоленск, 2009. – 306 с.
3. Дробот Г.А. Трансформация функций и роли государства в глобализирующемся мире. Ч.1. // Обозреватель – Observer. – 2015. – № 11(310).– С. 5-20.
4. Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т.13.– № 2. – С. 44-71.
5. Пашенцев Е.Н. Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // Государственное управление. Электронный вестник. – 2019. – № 76.– С. 279-300.
6. Разумов Е.А. Киберсуверенитет как аспект системы национальной безопасности КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. – Благовещенск – Хэйхэ, 2017. – С. 707– 710. – URL:<https://elibrary.ru/item.asp?id=29191372>

7. Харитонов Н.И. Американская «биоПРО» – элемент биологического терроризма // Научно-практический бюллетень Национального антитеррористического комитета. – 2018. – Т. 49.– № 1. – С. 211– 224.

8. Харитонов Н.И. Непризнанные государства: «спорная субъектность» как вызов международной безопасности // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т.12. – № 2. – С.64-76.

9. Cerny Ph. Neomedievalism, Civil Wars and the New Security Dilemma: Globalizations Durable Disorder // Civil Wars. 1998. Vol.1. №1 (Spring). – P. 36–64.

10. Joseph S. Nye. The future of Power // Project-syndicate. FEB 5, 2015. – № 3.

1. Akulinin, V.N., Epifanova, N.S. (2015) Kontseptsii gibridnoi voyny v praktike mezhgosudarstvennogo protivostoianiia [The concept of hybrid warfare in the practice of inter-state confrontation] // Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost' [National Interests: Priorities and Security]. – № 36. – P. 53-60. (In Russ.)

2. Brychkov, A.S., Eremin, G.V., Gavrilov, A.D. [i dr.]. (2009) Gibridnye voyny XXI stoletia: proiskhozhdenie, sushchnost' i mesto v tsivilizatsionnom protsesse [Hybrid wars of the XXI century: origin, essence and place in the civilization process]: Monografiia. Smolensk. – 306 p. (In Russ.)

3. Drobot, G.A. (2015) Transformatsiia funktsii i roli gosudarstva v globaliziruiushchemsya mire [The transformation of the function and role of the state in a globalizing world]. Ch.1. // Obozrevatel' – Observer. – № 11(310). – P.5-20. (In Russ.)

4. Kodaneva, S.I. (2020) «Gibridnye ugrozy» bezopasnosti Rossii: vyavlenie i protivodeistvie [“Hybrid threats” to Russia’s security: identification and counteraction] // Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]. – Т. 13. – № 2. – P. 44-71. (In Russ.)

5. Pashentsev, E.N. (2019) Zlonamerennoe ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta: novye ugrozy dlia mezhdunarodnoi informatsionno-psikhologicheskoi bezopasnosti i puti ikh neutralizatsii [Malicious use of artificial intelligence: new threats to international psychological security and ways to neutralize them] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik [E-journal. Public Administration]. – № 76. – P. 279– 300. (In Russ.)

6. Razumov, E.A. (2017) Kibersuverenitet kak aspekt sistemy natsional'noi bezopasnosti KNR [Cybersovereignty as an aspect of PRC national security system] // Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva. Materialy VII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Russia and China: History and Prospects for Cooperation].– Blagoveshchensk – Kheikhe.– P. 707-710. – URL: // <https://elibrary.ru/item.asp?id=29191372> (In Russ.)

7. Kharitonova, N.I. (2018) Amerikanskaia «bioPRO» - element biologicheskogo terrorizma [American "bio-missile defense" - an element of biological terrorism] // Nauchno-prakticheskii biulleten' Natsional'nogo antiterroristicheskogo komiteta [Scientific and

Practical Bulletin of the National Anti-Terrorism Committee]. – Т.49. – № 1. – P. 211-224. (In Russ.)

8. Kharitonova, N.I. (2017) Amerikanskaia «bioPRO» kak ugroza regional'noi bezopasnosti v Evrazii [American "bio-missile defense" as a threat to regional security in Eurasia] // Strategicheskoe upravlenie v sfere natsional'noi bezopasnosti Rossii: obespechenie natsional'nykh interesov i realizatsiia strategicheskikh prioritetov. Materialy Chetvertoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Strategic management in the sphere of national security of Russia: ensuring national interests and implementing strategic priorities]. – М.– P. 132-138. (In Russ.)

9. Kharitonova, N.I. (2017) Nepriznannye gosudarstva: «spornaia sub"ektnost'» kak vyzov mezhdunarodnoi bezopasnosti [Non-recognized states: "disputed status" as a challenge to the world security at the moment of global change of paradigm of world order] // Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk [Central Russian journal of social sciences]. – Т.12. – № 2. – P. 64-76. (In Russ.)